

СТАТЬИ

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

С. С. Казиханова^{1,2}

¹Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9-2

²Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
124498, Россия, Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1

Аннотация

Несмотря на значительное число работ, посвященных электронным доказательствам как в российской, так и в зарубежной правовой доктрине, интерес к этой теме по-прежнему сохраняется. В отечественной науке гражданского процессуального права он обусловлен проблемами, возникающими в судебной практике при использовании электронных доказательств. Многими учеными и практическими работниками ставится вопрос о необходимости дополнения процессуальных кодексов отдельными статьями, посвященными электронным доказательствам (в частности, порядку их получения судом). Настоящее исследование представляет собой попытку разобраться в том, действительно ли причиной встречающихся в судебной практике ошибок является недостаточное регулирование в законе вопросов использования электронных доказательств. По существу, автором разрешается вопрос, обладают ли электронные доказательства теми существенными отличиями от других средств доказывания, которые требует отразить в законе, дополнив процессуальные кодексы соответствующими положениями. С опорой на общенаучные (анализ, синтез, сопоставление, сравнение) и частноправовые методы (формально-юридический) особое внимание уделяется изучению отечественного процессуального законодательства и главным образом существующих в теории судебного доказывания научных позиций и предложений по совершенствованию регулирования в этой области. В работе анализируются основные сложившиеся в правовой науке подходы к понятию электронных доказательств, уточняется, что следует относить к электронным доказательствам, обосновывается позиция о месте электронных доказательств в системе судебных доказательств и необходимости дополнения процессуальных кодексов отдельными нормами об электронных доказательствах. Результатом проведенного исследования является подтверждение правильности того подхода, согласно которому электронные доказательства не следует выделять как отдельные средства доказывания. Данный вывод основан на изучении теории судебного доказывания, в которой в качестве признака каждого отдельного доказательства определяется способ его исследования (или получения) судом. В электронных доказательствах не усматривается какой-либо специфики по этому признаку. На основе изучения существующих в научной литературе предложений по совершенствованию процессуального законодательства автор приходит к итоговому заключению о том, что процессуальные кодексы не нуждаются в дополнении их отдельными статьями об электронных доказательствах. Обосновывается, что порядок обращения с электронными доказательствами подчиняется общим положениям закона о судебных доказательствах (правилам истребования, раскрытия, обеспечения, исследования, оценки доказательств) с учетом имеющихся уточнений для письменных доказательств.

Ключевые слова

электронные доказательства, электронный документ, средство доказывания, судебные доказательства, электронный образ документа, письменные доказательства, исследование доказательств, оценка доказательств

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Казиханова, С. С. (2024). Электронные доказательства в теории судебных доказательств. <i>Цифровое право</i> . https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8

Поступила: 10.10.2024; принята в печать: 20.11.2024.

ARTICLES

ELECTRONIC EVIDENCE IN THE THEORY OF JUDICIAL EVIDENCE

Svetlana S. Kazikhanova^{1,2}

¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9-2, Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, Russia, 125993

²National Research University of Electronic Technology (MIET)
1, Shokin Square, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498

Abstract

Despite the significant number of works devoted to electronic evidence, both in Russian and foreign legal doctrine, there continues to be keen interest in this topic. In Russian civil procedural law, problems are identified as arising in judicial practice when using electronic evidence. Many scientists and practitioners draw attention to the need to supplement procedural codes with separate articles devoted to electronic evidence — in particular, the procedure for obtaining it by the court. The present study considers whether errors encountered in judicial practice can be traced to insufficient regulation governing the use of electronic evidence. In essence, this concerns whether electronic evidence has essential differences with other means of proof that need to be reflected in the law by supplementing procedural codes with relevant provisions. Based on general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, comparison) and private law methods (formal-legal), special attention in the work is paid to the study of Russian procedural legislation and existing scientific positions in the theory of judicial proof along with proposals for improving procedural legislation in this area. As well as analyzing the main approaches to the concept of electronic evidence existing in science, the work specifies the attributes of electronic evidence, considers the position of electronic evidence in the system of judicial evidence, and identifies a need to supplement procedural codes with separate rules on electronic evidence. The study affirms the correctness of the position according to which electronic evidence should not be considered as a separate means of proof. This conclusion is based on the study of the theory of judicial proof, in which the method of its examination (or obtaining evidence) by the court is determined as a feature of each individual piece of evi-

dence. Since electronic evidence demonstrates no specificity in this respect and based on the study of existing proposals in the scientific literature for improving procedural legislation, it is concluded that procedural codes do not need to be supplemented with separate articles on electronic evidence. Thus, the procedure for handling electronic evidence is subject to the general provisions of the law on judicial evidence (rules for the request, disclosure, provision, examination, and evaluation of evidence), taking into account the existing clarifications for written evidence.

Keywords

electronic evidence, electronic document, means of proof, judicial evidence, electronic image of a document, written evidence, examination of evidence, evaluation of evidence

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Kazikhanova, S. S. (2024). Electronic evidence in the theory of judicial evidence. <i>Digital Law Journal</i> . https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8

Submitted: 10 Oct. 2025, accepted: 21 Nov. 2024

Введение

Не секрет, что в настоящее время цифровые технологии активно используются как гражданами, так и организациями, и огромный объем юридически значимой информации существует в электронном виде. В связи с этим возросла роль так называемых электронных доказательств в судебном доказывании. В цивилистических процессуальных кодексах, а именно ГПК, АПК и КАС РФ, содержатся положения, посвященные электронным доказательствам. Однако многими учеными отмечается, что существующее правовое регулирование использования электронных доказательств является недостаточным. На наличие пробела в процессуальном законодательстве обращают внимание в публикациях и практические работники. С этим они связывают проблемы, возникающие в судебной практике при использовании электронных доказательств¹. Действительно, нередко суды не принимают такие доказательства, ошибочно считая их недопустимыми, или отказываются исследовать их непосредственно. В целом следует признать, что практика работы судов с электронными доказательствами не отличается единообразием.

В отечественной науке гражданского процессуального права в том числе делаются различные предложения по совершенствованию законодательства (например, дополнить процессуальные кодексы отдельными положениями об исследовании и оценке электронных доказательств). Известность получили труды профессора А.Т. Боннера, в которых обосновывается специфика электронных доказательств (Bonner, 2017). Электронным средствам доказывания уделялось внимание в диссертационных исследованиях Н. И. Борискиной (Boriskina, 2020), С. П. Ворожбит (Vorozhbit, 2011), А. В. Гребельского (Grebelsky, 2017), М. А. Митрофановой (Mitrofanova, 2013), П. Д. Шкуровой (Shkurova, 2019), в научных статьях Т. Т. Алиева (Aliev, 2022), И. Н. Балашовой и А. Н. Балашова (Balashova&Balashov, 2021), В. А. Лаптева (Laptev, 2017), Р. М. Масаладжиу

¹ Куликов, В. (2023, 27 марта). Юристы рассказали, как представить в суд электронные доказательства. *Российская газета*. <https://rg.ru/2023/03/27/iuristy-rasskazali-kak-predstavit-v-sud-elektronnye-dokazatelstva.html>

(Masaldjiu, 2024), Е. А. Наховой (Nakhova, 2015), Т. В. Ярошенко (Yaroshenko, 2023) и многих других². При этом по-прежнему дискуссионными остаются вопросы о том, что следует относить к электронным доказательствам и какова их природа. А именно, являются ли они самостоятельными средствами доказывания и нуждаются ли в отдельном, отличном от существующего, нормативно-правовом регулировании. Правильный подход к решению этих проблем имеет большое значение для практики. Особую значимость эти вопросы приобрели в последнее время, когда с появлением ИТ-доказательств стали связывать необходимость существенных изменений подходов к судебному доказыванию и даже принятия нового гражданского процессуального кодекса (Strel'tsova, 2023, pp. 9–16).

Вопросы использования электронных доказательств в суде при рассмотрении споров разрабатывались и за рубежом. В статье (Grebelsky, 2015) и подробнее в диссертационном исследовании (Grebelsky, 2017) А. В. Гребельским были проанализированы различные рекомендательные акты, раскрывающие существенные свойства электронных доказательств и порядок их представления в рамках третейской процедуры (в том числе известные Седонские принципы о раскрытии электронной информации³), приведены позиции иностранных специалистов, в частности D. Howell, M. E. Schneider, R. H. Smit и др. Однако в силу того, что значительная дискуссия по вопросам о сущности электронных средств доказывания и процессуальном порядке их использования существует в российской правовой науке, а суд исходит из принципа *lex fori* (закон страны суда), в настоящем исследовании проблема не рассматривалась в сравнительно-правовом контексте.

Целью работы является определение того, обладают ли электронные доказательства достаточной спецификой, требующей пересмотра подходов к судебному доказыванию, и нуждаются ли цивилистические процессуальные кодексы в дополнении отдельными нормами об электронных доказательствах.

Достижение указанной цели видится в решении следующих задач: проанализировать основные сформулированные в доктрине подходы к пониманию электронных доказательств и их месту в системе судебных доказательств; обратиться к классическим работам по проблемам судебного доказывания С. В. Курылева (Kurylev, 2012), А. К. Сергун (Sergun, 1996; Sergun, 2004), М. К. Треушникова (Treushnikov, 1999) и выявить признак, положенный в основу выделения отдельных средств доказывания; сделать вывод о том, можно ли считать электронные доказательства самостоятельными средствами доказывания по этому критерию; изучить встречающиеся в научной литературе предложения по дополнению процессуальных кодексов положениями об электронных доказательствах; сделать заключение о том, существует ли в этом объективная потребность или имеющиеся правовые нормы эффективно регулируют отношения, связанные с использованием электронных доказательств (их раскрытием, истребованием, представлением, обеспечением, исследованием и оценкой).

² Вопросам использования электронных доказательств в суде посвящены многочисленные публикации в социальной сети для юристов «Закон.ру». См.: *Электронные доказательства* [результаты поиска по portalу]. (б.д.). Закон.ру. <https://zakon.ru/Search/SphinxSearch?queryString=электронные+доказательства>

³ The Sedona Conf. [SC]. The Sedona Principles: Best Practices, Recommendations & Principles for Addressing Electronic Document Production (3rd Ed.) (2018). <https://thesedonaconference.org/sites/default/files/publications/The%20Sedona%20Principles%20Third%20Edition.19TSCJ1.pdf>

Результаты

В результате проведенного исследования были уточнены значения терминов «электронное доказательство» и «электронный документ». На основе изучения существующих в литературе позиций по этому вопросу, определений понятия «электронный документ», данных в законе и словаре, с учетом цели его введения в тексты судебных документов автор пришел к выводу о допустимости отождествления указанных категорий.

Результатом изучения существующих в научной литературе позиций по вопросу о самостоятельности электронных средств доказывания в системе судебных доказательств стали следующие заключения. Ошибочным, как противоречащий сущности судебного доказывания, был признан взгляд, согласно которому под электронным доказательством понимается информация в виде кодов, предназначенная для технических устройств и недоступная для восприятия человеком. Было отмечено, что в теории судебных доказательств выделение в законе различных средств доказывания основано на таком признаке, как способ их исследования судом. На примере отдельных электронных доказательств (аудио- и видеозаписей на электронных носителях, информации в сети Интернет, электронной переписки) было показано, что способ их исследования каких-либо особенностей не имеет. В работе была поддержана позиция, согласно которой электронные доказательства не выделяются по сравнению с другими, поскольку иное противоречило бы логике существования предусмотренных в законе средств доказывания.

Были подвергнуты критике высказанные в научной литературе предложения по дополнению процессуальных кодексов правилами работы с электронными доказательствами. То, что предлагалось включить в закон, либо и так охватывалось существующими нормами, регулирующими отношения в области судебного доказывания, либо было избыточным в силу того, что вытекало из законов логики, либо противоречило другим нормам (в том числе принципам) гражданского процессуального права и выработанным в теории судебных доказательств подходам.

Дискуссия

Понятие «электронные доказательства» в процессуальном законодательстве (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) не используется. Некоторое время в ст. 59 КАС РФ наряду с уже известными средствами доказывания упоминались электронные документы, однако практически сразу же они были исключены из перечня доказательств⁴. Одни ученые (Fokina, 2017, p. 77) критиковали указание на них в законе, считая это ошибочным, другие (Bonner, 2016, pp. 24–51), напротив, поддерживали это нововведение в КАС РФ. Однако практически все отмечали, что такое правовое регулирование являлось недостаточным, потому что отдельные нормы, посвященные электронным документам и устанавливающие процессуальный порядок обращения с ними, отсутствовали.

Вместе с тем упоминание в качестве доказательств документов, полученных с помощью электронной или другой связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (как подписанных, так и не подписанных электронной подписью), содержится в процессуальном законодательстве. ГПК, АПК и КАС РФ относят их к письменным

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3889.

доказательствам. Часть 3 ст. 75 АПК РФ и часть 1.1 ст. 70 КАС РФ определяют условия их допустимости в арбитражном процессе и административном судопроизводстве. Речь идет о возможности их использования в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами (для арбитражного процесса — также договором). Отметим, что с таким подходом законодателя согласны далеко не все, и целый ряд ученых считает, что так называемым электронным доказательствам должны быть посвящены отдельные статьи, регулирующие порядок их представления, исследования и хранения.

Этот и многие другие, влияющие на его разрешение вопросы, связанные с электронными доказательствами, в теории судебных доказательств являются спорными. Так, в науке гражданского процессуального права до сих пор отсутствует единство мнений о том, что следует относить к электронным доказательствам⁵. Нами не ставится задача проанализировать все существующие теоретические подходы к определению понятия электронных доказательств. Однако необходимо остановиться на некоторых из них и обозначить тот, который в действительности основан на теории судебных доказательств.

Понятие «электронное доказательство» (реже «цифровое доказательство») обычно употребляется учеными и практическими работниками в качестве объединяющего для различных сведений о фактах, содержащихся на электронных носителях (Boriskina, 2018, pp. 58–63)⁶. Электронный документ считают отдельным электронным доказательством наряду с электронными сообщениями, аудио- и видеозаписями на электронных носителях (Boriskina, 2020, pp. 70–89; Laptev, 2017, p. 56; Nakhova, 2015, p. 310). Полагаем, что категории «электронное доказательство» и «электронный документ» допустимо отождествлять с учетом того, что электронный документ в словаре определяется как любой материал, сохраненный на машинном носителе (текстовая, звуковая, графическая, видеoinформация) в виде файла, который можно передавать в пространстве и времени по телекоммуникационным каналам (Lomovtseva et al., 2021, p. 35). Такое же по смыслу определение дается и в законе. Так, в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ определяется как документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах⁷.

Впрочем, в судебной практике встречается подход, при котором электронный документ трактуется в узком значении. Он основывается на разделении категорий «электронный

⁵ Подробно различные подходы к электронным доказательствам и ссылки на имеющиеся в науке исследования этих проблем приводятся в монографии «Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы» (Strel'tsova, 2022).

⁶ См. также: Городецкий, Я. (2022, 22 июня). На заметку каждому: как собирать электронные доказательства для суда. *Адвокатская газета*. <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/na-zametku-kazhdomu-kak-sobirat-elektronnye-dokazatelstva-dlya-suda/>; Лядова, Ю. (2020, 23 марта). Электронные доказательства в арбитражном процессе. *Закон.ру*. https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe; Сазонова, М. (2020). *Электронные доказательства в спорах в сфере интеллектуальной собственности*. Гарант.ру. <https://www.garant.ru/news/1418353/>

⁷ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 2011.2024). Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

документ» и «электронный образ документа». Общим собирательным понятием для них является «документ в электронном виде». Электронный документ, в отличие от электронного образа документа, изначально создается в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, а электронный образ документа — это электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе, созданная посредством сканирования. При этом и тот и другой должны быть подписаны электронной подписью⁸. В классификации судебных доказательств по такому критерию, как процесс их формирования, электронный документ являлся бы первоначальным доказательством, а электронный образ документа — производным. Отметим, что использование этой терминологии связано с подачей документов в суд в электронном виде через личный кабинет пользователя и, соответственно, с необходимостью указания различий в предъявляемых к ним требованиях и в порядке их подачи в целом. По сути, такое деление не охватывает все документы в электронном виде, в частности те, что не подписаны электронной подписью, и связано с достаточно узкими, утилитарными целями. Поэтому, в нашем представлении, оно не препятствует обозначению первоначальных электронных доказательств и переведенных в электронную форму доказательств как электронных документов в значении сведений об обстоятельствах дела, представленных в суд в электронном виде.

В процессуальной науке была предпринята попытка обособления электронных доказательств от других доказательств (прежде всего письменных), обоснования их самостоятельности в качестве отдельных средств доказывания. При этом авторы относили к ним не все сведения о фактах, существующие в электронной форме. Согласно одному из предложенных в научной литературе подходов (Bonner, 2017, pp. 407–435; Shkurova, 2019, pp. 88–102) электронным документом (доказательством) является информация в виде кодов, содержащаяся на устройствах хранения и передачи, предназначенная для ЭВМ и иных технических устройств, со сложным программным обеспечением. Обычный человек, по мнению авторов, в том числе судья, не может исследовать электронный документ, так как он существует лишь в машиночитаемой форме. Для того чтобы люди его использовали, он должен быть приведен в традиционную форму (выведен на экран монитора, отпечатан на принтере). В дальнейшем преобразованный в человекочитаемую форму вариант информации, содержащейся на соответствующем участке жесткого диска персонального компьютера, вне зависимости от наличия или отсутствия электронной подписи, будет производным электронным документом. В этом, как считают ученые, заключается существенное отличие электронных доказательств от традиционных письменных.

Такой подход к тому, что считать доказательством (сведения в виде кодов, не предназначенных для восприятия человеком), ошибочен в силу противоречия самой сущности судебного доказывания и доказательства. Как известно, суд познает имеющие юридическое значение для дела факты непосредственно или опосредованным путем, т.е. путем использования

⁸ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018). Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 11.09.2017 № 168 (ред. от 15.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе, № 10, октябрь, 2017.

доказательств⁹. Опосредованное познание всегда связано с тем, что познаваемый объект (юридический факт) недоступен восприятию, и мы познаем его путем восприятия и познания другого предмета, доступного нашему восприятию (доказательства). При этом возникает вопрос, можно ли считать судебным доказательством то, что в принципе не может быть воспринято человеком. И главное, для чего именно эту информацию (в виде кодов, предназначенных для технических устройств) называть судебным доказательством вместо того, чтобы признать им доступные для человека сведения (в виде текста, звуков, изображений и т.д. на экране), которые могут быть исследованы и оценены? Получается, что в таком случае доказательство существует (в памяти компьютера), но его использование принципиально невозможно, пока оно не будет преобразовано, что лишает его выделение всякого практического смысла. И, наконец, формально те сведения о фактах в электронном виде, которые исследуются судом, и те, которые предназначены для технического устройства, — это не совсем одни и те же сведения. Сторонники этой позиции указывают на то, что до суда электронный документ доходит в преобразованном виде. И это также ставит под сомнение целесообразность такого понимания электронных доказательств.

Показательно в контексте вышеприведенной ситуации, что мы, например, не считаем судебным доказательством информацию, содержащуюся в голове у свидетеля, а его показания производными по отношению к этим сведениям. Хотя это также можно было бы обосновать тем, что мысли свидетеля — это доказательства, существующие в недоступной для восприятия судом форме, и только после преобразования в устную речь они исследуются судом как производные доказательства. Во всяком случае очевидно, что средством доказывания выступают сами свидетельские показания¹⁰.

К электронным доказательствам относят аудиозаписи, видеозаписи и фотографии на электронных носителях, электронные сообщения (почту, СМС, ММС, сообщения в мессенджерах), электронные документы (включая электронные образы документов), подписанные электронной подписью, документы, полученные посредством электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (в частности, информацию, размещенную на различных сайтах) (Chernykh, 2022, p. 170; Laptev, 2017, pp. 56–59).

Ряд исследователей считают необходимым включить в процессуальные кодексы отдельные нормы, посвященные электронным доказательствам, в которых должна найти отражение их специфика, обусловленная механизмом их создания, сохранения, внесения в них изменений и уничтожения (Bonner, 2017, pp. 414–415; Chernykh, 2022, p. 188; Aliev, 2022, pp. 28–32; Orekhova, 2022, pp. 203–213). В нашем же представлении, все вышеперечисленные доказательства могут быть отнесены к известным, закрепленным в перечне соответствующих статей ГПК, АПК и КАС РФ судебным доказательствам, а называя их электронными, мы лишь подчеркиваем форму их существования — цифровую, электронную. Теоретическое обоснование этого уже давно существует в теории судебных доказательств.

Перед разработчиками действующего ГПК РФ когда-то ставился похожий вопрос: включать ли в закон аудио- и видеозаписи (новые на тот момент носители информации) в качестве

⁹ Некоторые ученые и вовсе полагали, что доказывание является единственной формой познания искомых фактов по делу (Kurylev, 2012, p. 210).

¹⁰ Этот пример неоднократно приводился А. К. Сергун и Д. А. Тумановым при обсуждении различных работ, посвященных электронным доказательствам, на кафедре гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

самостоятельных средств доказывания или относить их к вещественным или письменным доказательствам?¹¹ Как верно отмечалось в научной литературе (Treushnikov, 1999, pp. 97–98), средство доказывания как процессуальная форма доказательств содержит источник информации и определенный способ доведения ее до суда. Причем источник оказывает влияние на то, каким образом сведения будут восприняты судом. Видео- и звукозаписи по источнику схожи с вещественными доказательствами, поскольку информация сохраняется на предметах неживой природы. Однако воспроизведение сохраняющейся на магнитных носителях информации требует отличных от письменных и вещественных доказательств методов. Если вещественные доказательства исследуются, как правило, визуально, то с помощью методов осмотра, наблюдения, обзора нельзя изучать данные носители информации. Аудиозаписи суд прослушивает, видеозаписи — просматривает (и прослушивает в случае необходимости).

В действительности каждому виду доказательств в процессуальных кодексах посвящена группа норм, которая определяет порядок их получения судом и исследования (Sergun, 1996, p. 146). Существенным признаком каждого вида доказательств является способ их исследования (восприятия их судом). Именно он лежит в основе выделения различных средств доказывания, регламентированных законом. Однако эти доводы зачастую игнорируются сторонниками позиции, согласно которой предусмотренный законом перечень доказательств нуждается в расширении за счет электронных доказательств. Так, те ученые, которые не считают электронные доказательства отдельным видом и относят их к предусмотренным законом процессуальным средствам доказывания, обосновывают свой подход аргументом, что электронным на сегодняшний день может быть практически все: документы, сообщения, переписка, протоколы судебных и административных органов, технические носители информации, флешки, интернет-сервисы, веб-сайты, архивы, счета, аудио- и видеозаписи, метаданные, лог-файлы сервера провайдера, электронные платформы для совершения сделок и пр. (Chernykh, 2022, p. 172). То, что электронная форма информации в настоящее время чрезвычайно распространена, не вызывает сомнений. В электронной форме могут существовать различные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Но в то же время не этот довод лежит в основе приведенной позиции. В теории судебных доказательств сложилось правило, согласно которому каждому отдельному средству доказывания присущ свой, свойственный только ему способ исследования (доведения информации до суда). Исходя из него сформировался существующий в законе перечень судебных доказательств. Ученые, не выделяющие электронные доказательства в качестве самостоятельных средств доказывания, не видят каких-либо особенностей в способе их исследования.

В современной научной литературе обращается внимание на то, что выделение электронных доказательств зачастую связано с нетипичным способом получения (посредством электронной и иной связи, сети Интернет) и хранения информации (Boriskina, 2020, pp. 66–68). При этом способы обретения того или иного доказательства, действительно, могут различаться. Более того, существует возможность получения одного и того же доказательства разными способами, в том числе с помощью технических средств. Однако это не должно приводить к ошибочному смешению их со способами доведения информации до суда, ведь именно они значимы для выделения доказательств.

Обособление электронных средств доказывания происходит на основании особенностей источника, т.е. носителя информации, который является электронным (Vorozhbit, 2011, p. 7). Сама

¹¹ Справедливости ради отметим, что начало самой дискуссии было положено задолго до принятия Кодекса. См.: Chechina & Chechot (1984, p. 156).

форма информации осталась прежней: письменные знаки, устная речь, вещественный код, т.е. то, что доступно непосредственному восприятию и пониманию судей или требует привлечения экспертов. От того, какие из данных, сохраненных в электронной форме, имеют доказательственное значение, т.е. содержат сведения, необходимые для установления обстоятельств дела, будет зависеть отнесение их к письменным, вещественным доказательствам, аудио- или видеозаписям (Vorozhbit, 2011, p. 8). Позиции авторов представляются верными, однако дополним последнюю: как раз то, какие из данных имеют доказательственное значение, влияет на то, каким образом они будут восприняты судом при исследовании в судебном заседании.

Обратимся к различным доказательствам в электронной форме, чтобы определить, обладает ли спецификой способ их исследования. Авторы, считающие электронные доказательства самостоятельным видом, подлежащим включению в перечень судебных доказательств, относят к ним аудио- и видеозаписи на электронных носителях. Оговоримся, что в настоящее время это практически все аудио- и видеозаписи (записи телефонных переговоров, записи с автомобильных видеорегистраторов, камер видеонаблюдения и т. д.). Однако возникает вопрос, имеются ли различия в способе исследования судом видеозаписи, хранящейся в памяти смартфона или представленной на диске, и видеозаписи на кассете в судебном заседании. Очевидно, что нет, поскольку суд, установив их относимость и допустимость, будет одинаково их просматривать и прослушивать. Те же самые соображения справедливы в отношении любых других сведений о фактах в электронной форме, например информации, размещенной в сети Интернет, которую суд либо оглашает как письменное доказательство, либо осматривает как вещественное.

Тем не менее в литературе можно встретить указание на специфику способа исследования некоторых электронных доказательств, например переписки в мессенджерах. Правда, в чем она заключается, авторы либо не поясняют, либо приводят то, что к способу исследования доказательств не относится. Так, Т. В. Ярошенко признает, что содержание переписки в мессенджерах по форме изложения информации ничем не отличается от иных деловых переписок, однако в то же время отмечает, что способ исследования такого доказательства отличается. При этом указывается на то, что допустимость электронных доказательств в судебном процессе обеспечивается представлением протокола осмотра электронного доказательства, составленного нотариусом или судом (Yaroshenko, 2023, pp. 34–35). Отсюда можно сделать вывод, что специфика способа исследования этих электронных доказательств может связываться автором с исследованием протоколов их осмотра. Однако в конечном итоге все равно делается вывод, что эти протоколы исследуются как письменные доказательства.

Конечно, обеспечение электронных доказательств и исследование в суде результатов такого обеспечения не образуют какой-либо специфики в способе их восприятия судом посредством прочтения и оглашения в судебном заседании. Неверным видится и сам подход автора, исключающий возможность изучения электронной переписки в мессенджерах непосредственно, без предварительного ее обеспечения судом или нотариусом. Ведь институт обеспечения доказательств применяется в случае угрозы того, что доказательство не сохранится к судебному заседанию, исчезнет, будет изменено. Несмотря на вероятные риски, следует признать, что это может случиться далеко не всегда. Все зависит от технических возможностей мессенджера, поскольку не все мессенджеры позволяют удалить переписку по истечении определенного времени (у отправителя и получателя одновременно).

Встречается позиция, согласно которой специфика исследования судом электронной информации обусловлена необходимостью привлечения специалиста в процесс, поскольку он сможет определить, вносились ли в электронный документ какие-либо изменения (Shkurova, 2019, pp.

88–102). Однако выводить это утверждение в качестве общего правила исследования электронных доказательств было бы ошибочным. Существует немало примеров, когда суд непосредственно исследует электронное доказательство и его достоверность может быть установлена без привлечения специалиста. Так, речь может идти о переписке по электронной почте или в тех мессенджерах, которые не позволяют вносить в отправленные сообщения изменения, об информации, размещенной на сайте, где у истца или ответчика нет возможности повлиять на ее содержание, о сведениях на страницах сайта, сохраненных в интернет-архивах и т. д. Кроме того, нельзя исключать ситуации, когда ответчик не оспаривает достоверность таких доказательств.

На самом деле электронные доказательства не имеют какой-либо специфики в исследовании. И если их выделять как отдельный вид, то получается, что все доказательства различаются способом исследования, а электронные выделяются из-за нетипичной формы существования информации (источника сведений). Очевидно, тем самым нарушается логика определения средств доказывания.

В литературе нередко предлагается дополнить ГПК, АПК и КАС РФ процессуальными правилами, связанными с порядком получения, исследования и оценки электронных доказательств (Chernykh, 2022, р. 188; Aliev, 2022, pp. 28–32). Рассмотрим подробнее, о каких положениях, касающихся отдельных электронных средств доказывания, может идти речь. И существует ли объективная необходимость включать их в процессуальные кодексы. Так, в ГПК и АПК РФ предлагается ввести перечень сервисов (государственных и муниципальных), которые являются надежными и могут служить для предоставления электронной информации в суд, чтобы обеспечить достоверность электронных доказательств и не представлять их на бумажных носителях (Aliev, 2022, р. 31). Необходимости в этом, на наш взгляд, никакой нет. Суд вполне может разобраться в том, какой информации, в частности с сайтов органов государственной власти или местного самоуправления, можно доверять, и самостоятельно проверить эти сведения в случае необходимости. Их представление на бумажных носителях связано лишь с подтверждением существования доказательства и не исключает непосредственного исследования этой информации в электронном виде, например документов, направленных на почту лица с сайта «Госуслуги» по его запросу, или сведений, содержащихся на сайтах государственных органов (Росреестра, Роспатента, налоговых органов), АО «Почта России», или информации из личного кабинета пользователя «Госуслуг» и др. Кроме того, в соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» судья вправе самостоятельно получать, в том числе в электронном виде, необходимые для рассмотрения дела сведения из открытых источников, в частности из государственных информационных систем, из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций в информационно-телекоммуникационной сети Интернет¹².

Нередко в публикациях можно встретить предложение закрепить в законе критерии оценки электронных доказательств. Причем оно приводится как в статьях ученых, так и в интервью практических работников¹³. Одни указывают, что необходимо ввести «фундаментальные

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» от 04.06.2024 № 12. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2024.

¹³ В частности, такое мнение было выражено руководителем практики разрешения споров с государственными органами бюро адвокатов «Де-юре» Рашидом Гитиновым (Куликов, В. (2023, 27 марта). Юристы рассказали, как представить в суд электронные доказательства. *Российская газета*. <https://rg.ru/2023/03/27/iuristy-rasskazali-kak-predstavit-v-sud-elektronnye-dokazatelstva.html>).

критерии, определяющие достоверность электронных документов и доказательств «разнообразных форм» без какой-либо конкретизации (Orekhova, 2022, pp. 203–213). Другие относят к таким критериям подлинность, а также происхождение электронных доказательств, представленных в суд одной из сторон (Aliev, 2022, p. 31). Причем это преподносится так, как будто в этом заключается специфика оценки именно электронных доказательств, а действующее законодательство не содержит положений, позволяющих проверить их подлинность и происхождение.

На самом деле в теории судебных доказательств давно установлено, что оценка доказательств представляет собой определение достоверности, силы и достаточности доказательств (Sergun, 2004, p. 181). Для определения достоверности доказательства суд должен проверить достоверность источника, из которого получены сведения, а также сам процесс формирования доказательства, сопоставить его с остальными доказательствами по делу. И это относится ко всем доказательствам вне зависимости от того, в какой форме существуют сведения об обстоятельствах дела. Правила оценки доказательств нашли закрепление в ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ и ст. 84 КАС РФ (с отдельными положениями о письменных доказательствах). Остается неясным, почему же для доказательств в электронном виде эти правила не подходят.

Действительно, в отношении электронных доказательств возникают трудности с определением судом их достоверности. Но такого рода сложности не исключаются и в отношении других (письменных, вещественных) доказательств. При этом в законе ни для одного средства доказывания не прописывается алгоритм действий по проверке достоверности, поскольку в данном случае речь идет об оценке доказательств, которая подчиняется законам логики и производится в условиях, закрепленных правовыми нормами¹⁴.

Правда, в содержание оценки доказательств многие авторы включают их относимость и допустимость, основываясь в том числе на статьях процессуальных кодексов, посвященных оценке доказательств. Нами разделяется позиция (Sergun, 1996, p. 157), согласно которой правила относимости и допустимости доказательств действуют для отбора доказательств, чтобы понять, какие из представленных сторонами доказательств могут быть использованы в процессе. Оценка же осуществляется после того, как доказательства были приняты судом, на основе исследования в судебном заседании (по общему правилу) на предмет их достоверности, силы и достаточности. В реальности значительное число судебных ошибок связано с неправильным пониманием именно правил относимости и допустимости электронных доказательств, когда суды отказывают в их приобщении. Такая практика зачастую не основана на законе. В литературе правильно было отмечено (Boriskina, 2020), что суды ошибаются, считая доказательства недопустимыми, когда их достоверность вызывает у них сомнения. В этом случае происходит смешение допустимости и достоверности доказательств.

Многие авторы считают, что избежать таких ошибок поможет нормативное закрепление неких правил работы с электронными доказательствами. Однако сразу оговоримся, что никаких единых правил обычно не предлагается, поскольку очевидна разнородность таких доказательств. Поэтому они в основном выводятся отдельно для электронных сообщений по почте и в мессенджерах, информации официальных сайтов публичных органов и организаций, аудио- и видеозаписей и цифровых отображений и т. д. При этом возникает вопрос: существует ли объективная необходимость закрепления этих положений в процессуальном законодательстве?

¹⁴ Некоторые ученые считали, что оценка доказательств сводится к акту мысли, сугубо логической операции и поэтому она выходит за пределы процессуальных действий по доказыванию. Иначе, оценка доказательств не может быть объектом правового регулирования, так как мыслительный процесс протекает по законам мышления, а не права. См.: Kurylev (2012, p. 320).

Для примера обратимся к проведенному исследованию использования переписки по электронной почте в качестве судебного доказательства в арбитражных судах. Так, изучив актуальную судебную практику, в 2024 г. Р. М. Масаладжиу пришел к выводу, что суд считает переписку по электронной почте допустимым доказательством только в том случае, если сможет достоверно установить, что сообщения или документы исходят от стороны по договору (Masaladjiu, 2024, p. 20). Другими словами, суд должен удостовериться, что *e-mail* принадлежит процессуальному оппоненту или его представителю. При этом автором со ссылками на судебные акты по конкретным делам приводятся объяснения, которые обычно использует истец, чтобы убедить в этом суд: *e-mail* ответчика указан в договоре; переписка является сложившейся практикой взаимоотношений сторон; *e-mail* содержит корпоративный домен ответчика; *e-mail* указан на сайте ответчика, и т. д. Также, чтобы суд принял переписку, как отмечается в исследовании, необходимо подтвердить, что она касается обстоятельств спора. В этих случаях суды делают вывод о том, что электронная переписка велась между сторонами и, значит, может использоваться в качестве судебного доказательства ((Masaladjiu, 2024, pp. 21–25).

Требуется ли вводить в ГПК, АПК и КАС РФ отдельные нормы, в которых были бы закреплены вышеприведенные сложившиеся в судебной практике подходы? Очевидно, что нет. Суд во всяком случае, исследуя переписку между сторонами, независимо от того, в каком виде она ведется (по почте на бумажном носителе или по электронной почте), должен установить отправителя и получателя письма и ознакомиться с содержанием переписки. Считать, что по отношению к переписке в электронном виде действуют какие-то особые правила, неверно. Всё это следует из закрепленных в процессуальном законодательстве и разработанных в теории правил использования письменных доказательств. То, каким образом суд приходит к выводу о принадлежности адресов электронной почты сторонам, охватывается правилами оценки доказательств, подчиненной законам логики. Оценка доказательств является мыслительной деятельностью суда, проистекающей на основе логических законов, нормы права же устанавливают не порядок мышления и ход рассуждения судей, а условия и цель оценки судебных доказательств, принципы оценки, внешнее выражение в процессуальных документах результатов оценки (Treushnikov, 1999, p. 155).

С большой долей вероятности можно прийти к заключению, что во всех вышеприведенных случаях адрес электронной почты принадлежит ответчику, что и делали суды. При этом нельзя исключать, конечно, и обратного. Однако превращать процессуальные кодексы в инструкцию, где подробно прописывалось бы, когда факт считать доказанным, категорически нельзя: это противоречило бы свободной оценке доказательств, ценность которой заключается в понимании того, что невозможно формализовать абсолютно все случаи, встречающиеся на практике и требующие учета очень многих и разнообразных факторов, влияющих на выводы суда. Поэтому и нельзя заранее определять в законе доказательственную силу отдельных средств доказывания, запрещая судьям давать им другую оценку или отвергать. Иное приводило бы к вынесению ошибочных судебных актов и не позволяло бы достичь цели правосудия — реальной защиты прав и интересов лиц.

К тому же неясно, почему вопрос дополнения процессуального законодательства соответствующими нормами ставится авторами только в отношении одних доказательств — в электронном виде. В процессуальных кодексах не прописывается подробно, что должен проверить суд, чтобы установить подлинность писем, направленных по почте в напечатанном виде (или написанных от руки), распечатанных договоров, справок, полученных из государственных органов, и т.д. Хотя очевидно, что они также должны проверяться на предмет того, от кого они исходят

и кому адресованы, кем подписаны. Однако закрепить это в отношении каждого письменного доказательства в отдельности в литературе не предлагается, что ставит под сомнение логику подобных идей в отношении электронных доказательств.

В научной литературе нередко указывают на необходимость ввести в процессуальные кодексы отдельные нормы, предусматривающие специальные правила судебного порядка обеспечения доказательственной информации, которая может содержаться в электронных доказательствах (Yaroshenko, 2023, p. 35; Balashova&Balashov, 2021, p. 19). При этом авторами не поясняется, в чем заключаются эти правила. Обеспечение электронных доказательств осуществляется на основе ст. 64–66 ГПК РФ, ст. 72 АПК РФ и на практике не вызывает каких-либо сложностей, требующих дополнения процессуального законодательства.

Как уже было отмечено, обеспечение электронных доказательств, как и любых других, не может быть обязательным. Оно проводится с определенной целью и в тех случаях, когда это в реальности требуется. Можно найти некоторые объяснения тому, почему предлагается ввести обязательное нотариальное заверение электронной переписки или специально указать на эту возможность в отношении электронных доказательств в процессуальных кодексах. Дело в том, что на практике суды могут отказать в принятии скриншота электронной переписки и потребовать представить ее в виде протокола осмотра, составленного нотариусом (Masaladjii, 2024, p. 26). И авторы этих предложений, по всей видимости, хотят внести некоторую определенность насчет того, в каком виде должно быть представлено электронное доказательство, чтобы суд его принял. Однако для исправления судебных ошибок именно в этом случае процессуальное законодательство не нуждается во внесении дополнений, тем более очевидно неправильных.

В соответствии со ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Копией электронных доказательств являются скриншоты. Оснований не принимать их при надлежащем заверении у судов нет. О том, как заверяется скриншот, и о предъявляемых к нему требованиях существует разъяснение Верховного Суда РФ. В соответствии с п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), являются допустимыми доказательствами. Они могут быть сделаны и заверены лицами, участвующими в деле, с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения¹⁵. На самом деле Верховный Суд РФ обратил внимание на достаточно очевидное положение закона. В судебное заседание могут быть представлены копии письменных доказательств, заверенные лицами, участвующими в деле. И это правило в одинаковой мере работает для всех письменных доказательств, независимо от их вида (электронного или нет).

В работах, посвященных электронным доказательствам, нередко вообще не рассматривается вопрос непосредственного исследования доказательств в электронном виде. Всё сводится к использованию скриншотов или протоколов осмотра доказательств, составленных нотариусом (редко судом). Между тем если доказательство электронное (отправленное по электронной почте письмо, переписка в мессенджере, информация, выложенная на странице в сети Интернет), суд всегда может убедиться в его существовании (возможно, с привлечением специалиста для оказания технической помощи). Таким образом, требования судов представить в обязательном порядке составленные нотариусом протоколы осмотра электронных доказательств,

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019 № 10. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2019.

если информация существует в электронном виде и не удалена, противоречат закону и связаны с непониманием целей института обеспечения доказательств. В целом ряде случаев (когда закон не требует представления подлинных документов) даже составленный стороной скриншот может оказаться достаточным доказательством для установления факта (ч. 2 ст. 71 ГПК РФ). Например, когда другой стороной не заявляется о фальсификации доказательства.

Выводы

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что правильный подход к определению природы электронных доказательств позволит избежать многих ошибок, возникающих на практике. Понимание того, что доказательства в электронной форме не обладают какой-либо спецификой (восприятие судом путем прочтения, осмотра, просмотра и прослушивания), наглядно демонстрирует отсутствие практической необходимости дополнения процессуального законодательства. В ГПК, АПК и КАС РФ предусмотрены положения об истребовании, о представлении, раскрытии, об обеспечении, исследовании и оценке доказательств, которые в полной мере могут применяться к доказательствам в электронной форме. При работе с последними суды должны руководствоваться этими нормами, а также не допускать нарушения основных начал процесса — принципов непосредственности, состязательности, объективной истины.

Список литературы / References

1. Aliev, T. T. (2022). Elektronnyye dokazatel'stva kak samostoyatel'naya kategoriya dokazatel'stv v tsivilisticheskoy sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii [Electronic evidence as an independent evidence category in civil proceedings of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyy i Grazhdanskij Protsess*, (5), 28–32. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-5-28-32>
2. Balashova, I. N. & Balashov, A. N. (2021). O perspektivakh ispol'zovaniya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the prospects of the use of electronic evidence in civil proceedings]. *Administrativnyy Sud*, (1), 16–19. <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2021-1-16-19>
3. Bonner, A. T. (2016). Administrativnoye sudoproizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii: Mif ili real'nost', ili spor protsessualista s administrativistom [Administrative court procedure in Russia: Myth or reality, or dispute between a processualist and administrative lawyer]. *Zakon*, (7), 24–51.
4. Bonner, A. T. (2017). *Izbrannyye trudy (T. 5: Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv)* [Selected works (Vol. 5: Problems of the theory of judicial evidence)]. Prospekt.
5. Boriskina, N. I. (2018). Elektronnyye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve [Electronic evidence in civil proceedings]. *Zakonodatel'stvo*, (4), 58–63.
6. Boriskina, N. I. (2020). *Protsessual'naya forma dokazatel'stv v sovremennom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural form of evidence in modern civil proceedings] [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University].
7. Chernykh, I. I. (2022). Vliyaniye informatsionnykh tekhnologiy na dokazyvaniye v grazhdanskom sudoproizvodstve [The impact of information technology on evidence in civil proceedings]. In E. G. Strel'tsova (Ed.). *Tsifrovyye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: Practice, analytics, prospects] (pp. 159–212). Infotropik Media.

8. Chechina, N. A. & Chehot, D. M. (Eds.). (1984). *Sovetskiy grazhdanskiy protsess* [Soviet civil procedure]. Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
9. Fokina, M. A. (2017). *Dokazyvaniye v administrativnom sudoproizvodstve: Problemy effektivnosti pravovogo regulirovaniya* [Proof in administrative proceedings: Problems of the effectiveness of legal regulation]. *Sovremennoe Pravo*, (3), 75–79.
10. Grebelsky, A. V. (2015). Elektronnyye dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe [Electronic evidence in international commercial arbitration]. *Zakon*, (10), 59–70.
11. Grebelsky, A. V. (2017). *Dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe* [Evidence in international commercial arbitration] [Doctoral dissertation, Moscow State Institute of International Relations]. http://igpran.ru/prepare/a.persons/GrebelskiiAV/GrebelskiiAB_Dissertatsiya.pdf
12. Kurylev, S. V. (2012). *Dokazyvaniye i ego mesto v protsesse sudebnogo poznaniya* [Proof and its place in the process of judicial knowledge]. In S. V. Kurylev, *Izbrannyye trudy* [Selected works] (pp. 209–302). Redaktsiya zhurnala "Promyshlenno-torgovoe Pravo". (Original work published in 1955).
13. Laptev, V. A. (2017). Elektronnyye dokazatel'stva v arbitrazhnom protsesse [E-evidence in arbitration]. *Rossiyskaya Yustitsia*, (2), 56–59. <https://doi.org/10.18572/0131-6761-2017-2-56-59>
14. Lomovtseva, N. V., Zarechneva, K. M., Ushakova, O. V., Yarina, S. Yu. (2021). *Slovar` terminov i ponyatiy tsifrovoy didaktiki* [Dictionary of terms and concepts of digital didactics]. Azhur.
15. Masaldjiu, R. M. (2024). *Perepiska po elektronnoy pochte: kak ubedit' arbitrazhnyy sud* [Email correspondence: How to convince an arbitrazh court to accept it]. *Arbitrazhnaya Praktika dlya Yuristov*, (12), 20–26.
16. Mitrofanova, M. A. (2013). *Elektronnyye dokazatel'stva i printsip neposredstvennosti v arbitrazhnom protsesse* [Electronic evidence and the principle of immediacy in arbitrazh proceedings] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
17. Nakhova, E. A. (2015). Problemy elektronnykh dokazatel'stv v tsivilisticheskom protsesse [Issues of electronic evidence in the course of civil process]. *Leningradskyy Yuridicheskiy Zhurnal*, (4), 301–312.
18. Orekhova, D. V. (2022). Tendentsii razvitiya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse [Trends in the development of electronic evidence in civil proceedings]. *Arbitrazhnyye Spory*, (4), 203–213.
19. Sergun, A. K. (1996). *Sudebnyye dokazatel'stva* [Legal evidence]. In M. S. Shakaryan (Ed.), *Grazhdanskoye protsessual'noye pravo Rossii. Uchebnik* [Civil procedural law of Russia. Textbook] (pp. 145–164). Bylina.
20. Sergun, A. K. (2004). *Sudebnyye dokazatel'stva* [Legal evidence]. In M. S. Shakaryan (Ed.), *Grazhdanskoye protsessual'noye pravo Rossii. Uchebnik* [Civil procedural law of Russia. Textbook] (pp. 162–196). Prospect.
21. Shkurova, P. D. (2019). *Pis'mennyye dokazatel'stva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Written evidence in civil and administrative proceedings] [Doctoral dissertation, Kutafin Moscow State Law University].
22. Strel'tsova, E. G. (2023). Ob aktual'nom znachenii printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava [On the current significance of the principles of civil procedural law]. In E. I. Nosyreva, I. N. Luk'yanova, D. G. Fil'chenko (Eds.), *Ocherki sovremennogo tsivilisticheskogo protsessa: In Memoriam zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professor Tamary Evgen'evny Abovoy* [Essays on the modern civil process: In Memoriam of Tamara Evgenievna Abova, the Honored Scholar of the Russian Federation, Dr. Sci. in Law, Professor] (pp. 9–16). Statut.
23. Strel'tsova, E. G. (2022). *Tsifrovyye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects] (pp. 159–212). Infotropik Media.
24. Treushnikov, M. K. (1999). *Sudebnyye dokazatel'stva* [Forensic evidence]. Gorodets.

25. Vorozhbit, S. P. (2011). Elektronnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Doctoral dissertation, Saint-Petersburg State University].
26. Yaroshenko, T.V. (2023). Problematika elektronnykh dokazatel'stv v usloviyakh razvitiya elektronnoho pravosudiya v arbitrazhnom protsesse [The problem of electronic evidence in the context of the development of electronic justice in the arbitration process]. *Administrator Suda*, (1), 32–36. <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2023-1-32-36>

Сведения об авторе:

Казиханова С. С. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); доцент института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Россия.

sskazihanova@msal.ru

Information about the author:

Svetlana S. Kazikhanova — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure named after M. S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Associate Professor, Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow, Russia.

sskazihanova@msal.ru